

Деревянная дверь покосившейся хижины захлопнулась, подняв облачко пыли. Лин Цэ обернулся и увидел, как Су Вань, прижимая к себе Туаньцзы, замерла посреди комнаты, словно поникший на морозе тростник.

Внутри было немногим теплее, чем снаружи. В углах стен искрился тонкий слой инея, а единственный деревянный стол держался на трех камнях, подложенных под ножки. На столе стояла щербатая глиняная миска, на дне которой еще виднелись засохшие остатки вчерашней кукурузной каши.

Туаньцзы, прижавшись к груди матери, клевал носом. Его плач стих, лишь изредка мальчик всхлипывал, а на длинных ресницах еще дрожали прозрачные капли слез.

Лин Цэ молча направился к очагу, обмазанному желтой глиной. В глубине печи еще теплились угли. Он подбросил пару сухих веток, взял бамбуковую трубку и раздул огонь — оранжевые языки пламени быстро заплясали по дну котелка.

В котелке оставалось полковша холодной воды, которую Су Вань приготовила утром для стирки. В прошлых тринадцати воплощениях он всегда злился, что эта вода леденит ему руки: либо швырял ковш, либо осыпал ее проклятиями, обвиняя в том, что она не может согреть воды. Но он никогда не замечал, как зимой, полоща белье в ледяной воде, она покрывалась трещинами, из которых сочилась кровь, смешиваясь с мыльной пеной.

Вода быстро закипела. Лин Цэ нашел более-менее целую миску, налил полпорции кипятка, коснулся края, проверяя, не обжигает ли, и только тогда обернулся.

Су Вань все еще стояла в той же позе. Туаньцзы, выглядывая из ее объятий, смотрел на него черными, как бусины, глазами, плотно сжав губы, словно испуганный зверек.

— Выпей, согрейся, — Лин Цэ пошел к ней, ступая медленно и осторожно, чтобы не напугать мать с ребенком.

Но стоило ему протянуть руку, как Су Вань отпрянула назад, еще крепче прижимая к себе сына. Личико мальчика покраснело от нехватки воздуха. В ее глазах застыл ужас, руки инстинктивно защищали ребенка, а губы беззвучно дрожали, не в силах произнести ни слова.

Рука Лин Цэ застыла в воздухе. В груди что-то неприятно сжалось, отдаваясь тупой болью. Он вспомнил одиннадцатое воплощение, такую же зиму, когда он, желая вынудить Су Вань самой заговорить о разводе, швырнул на землю купленную на ее трехмесячные сбережения муку и растоптал ее ногами. Тогда в глазах Су Вань был тот же взгляд — испуг и отчаяние, но она все равно вложила ему в руку последнюю печеную картофелину со словами: На улице холодно, береги себя.

Внимание! Внимание! Исполнитель задания Лин Цэ серьезно отклоняется от сюжетной линии!

Электронный голос Системы 7576 внезапно взорвался у него в голове, став еще пронзительнее, чем обычно.

Вы не выполнили ключевое действие: оскорбления и толчок. Вместо этого вы совершили аномальный поступок, предложив воду! Уровень коррекции текущей мировой линии упал до тридцати восьми процентов! Немедленно прекратите аномальное поведение! Приказываю в течение десяти минут выполнить сценарий с оскорблениями! В противном случае с вас будет списано пятьсот баллов золотого сотрудника! При трехкратном отклонении от сюжета Управление мирами направит Хранителя порядка, который принудительно извлечет ваше сознание!

Пальцы Лин Цэ, сжимавшие миску, побелели. Тепло от керамики, передавшееся через кончики пальцев, помогло прояснить затуманенный разум. Баллы? Извлечение сознания?

Он слышал эти угрозы десятилетиями. Раньше, чтобы сохранить свой рейтинг, он послушно следовал сценарию, но теперь чувствовал лишь отвращение. Отвращение к тому, что должен покупать свои достижения ценой чужих страданий, отвращение к тому, что раз за разом наблюдает за гибелью Су Вань и Туаньцзы, и еще большее отвращение к Системе, знающей лишь язык угроз.

Он прикрыл глаза и вызвал в сознании системную панель. Как золотой сотрудник Управления мирами, он обладал более высокими правами, чем обычные исполнители, просто никогда ими не пользовался.

Его палец нашел кнопку отключения звука. В тот же миг пронзительный визг в голове стих. Мир погрузился в тишину, нарушаемую лишь треском дров в очаге да тихим дыханием Туаньцзы.

Когда он снова открыл глаза, усталость в его взгляде сменилась твердой решимостью. Он снова направился к Су Вань и протянул ей миску, смягчив тон:

— Не бойся. Вода не горячая, выпей сама и дай немного Туаньцзы.

Су Вань не шелохнулась, но ужас в ее глазах постепенно уступал место глубокому недоумению. Она долго смотрела на лицо Лин Цэ, словно пытаясь понять, тот ли это человек, который еще вчера называл ее обузой.

Туаньцзы вдруг потянулся маленькой ручкой к миске, издал невнятный детский звук и потерся щекой о шею матери. Су Вань словно очнулась. Она посмотрела на ребенка, потом на миску в руках Лин Цэ и, помедлив, осторожно протянула руки.

Когда ее пальцы коснулись края, она вздрогнула, словно от ожога, но, убедившись, что вода теплая, бережно приняла миску. Глиняная посуда в ее руках мелко дрожала, расплескивая капли на покрасневшие от холода тыльные стороны ладоней. Но она не стала, как обычно,

суетливо вытирать их, а лишь опустила голову, глядя на пар, поднимающийся над водой.

— Туаньцзы простудился? — спросил Лин Цэ, глядя на личико мальчика.

Щеки малыша горели нездоровым румянцем, дыхание было тяжелее обычного, а в голосе, когда он плакал, слышалась заложенность носа.

Су Вань вздрогнула. Она подняла на него взгляд, полный неверия — она не ожидала, что он может проявить заботу о сыне.

— Ничего страшного, — хрипло ответила она. — Просто вчера немного замерз, я дала ему имбирный отвар.

Лин Цэ знал, что она хорохорится. В этой глуши не было ни врачей, ни лекарств, разве мог имбирный отвар вылечить простуду? В двенадцатом воплощении Туаньцзы так же простудился, болезнь переросла в пневмонию, и из-за отсутствия денег на лекарства ребенок просто сгорел от жара. Тогда он был в уездном городке, пил чай с Линь Вэй и, услышав от нее, как жалко его жену и ребенка, лишь нахмурился: Не говори о них, только настроение портишь.

От этих воспоминаний сердце Лин Цэ пронзила острая боль. Он нахмурился, опустился на колени и достал из-под кровати сверток. В нем лежали пять юаней — его месячное пособие как образованного юноши, и несколько талонов на зерно. Раньше он отдавал эти деньги Линь Вэй на сладости. Сейчас же, сжимая сверток, он сказал Су Вань:

— Посиди дома с Туаньцзы, я схожу к деревенскому лекарю, посмотрю, есть ли у него жаропонижающее.

Су Вань едва не выронила миску — большая часть горячей воды выплеснулась ей на штаны. Она даже не почувствовала ожога, глядя на Лин Цэ остекленевшим взглядом, а ее глаза медленно наливались влагой. За все эти годы он ни разу не то что не искал лекарств — он даже не смотрел на ребенка, лишь брезгливо называл его выродком.

Снаружи послышался голос тетушки Ван:

— Сяо Вань, ты дома? Я тут картошки сварила, принесла Туаньцзы пару штук.

Су Вань замерла, инстинктивно пытаясь спрятать миску. Тетушка Ван была известна своей добротой, и в прошлые разы, когда Лин Цэ кричал на жену, она не раз заступалась за нее. Су Вань боялась, что если тетушка увидит, что Лин Цэ ведет себя иначе, поползут слухи — ведь все знали о его близости с Линь Вэй.

Но Лин Цэ опередил ее, подойдя к двери и распахнув ее. Тетушка Ван держала в руках глиняную тарелку с двумя дымящимися картофелинами. Увидев Лин Цэ, она застыла, а ее

улыбка стала натянутой:

— Лин Цэ... я к Сяо Вань.

Он знал, что она о нем думает. В прошлых воплощениях она не раз тыкала в него пальцем, называя бесовестным, из-за которого жизнь Су Вань превратилась в сущий ад. Но он не обратил на это внимания, принял картофель и спокойно ответил:

— Спасибо, тетушка Ван. Сяо Вань внутри, с Туаньцзы возится.

Тетушка Ван опешила, глядя на него с подозрением. Что с ним сегодня такое? Никакой грубости, еще и поблагодарил? Она окинула его внимательным взглядом, не стала ничего спрашивать и лишь бросила на ходу:

— Пусть Сяо Вань покормит ребенка, пока горячее.

Лин Цэ внес картофель в дом и поставил на стол:

— Покорми Туаньцзы, а я к лекарю. Скоро вернусь.

Су Вань смотрела на дымящуюся картошку, потом на Лин Цэ. Она хотела что-то сказать, но лишь молча кивнула. Она очистила картофелину, размяла кусочек ложкой и, подув, поднесла ко рту сына. Туаньцзы, чьи глаза теперь светились меньшим страхом, даже потянулся ручкой к волосам матери и слабо улыбнулся.

Глядя на это, Лин Цэ почувствовал, как внутри у него становится тепло. Уже уходя, он обернулся:

— Ты тоже поешь, не забывай о себе. Ты ведь с утра ничего не ела.

Су Вань подняла голову и встретила с ним взглядом. В его глазах больше не было прежнего отворачивания, лишь мягкость, похожая на редкое зимнее солнце, которое коснулось ее души. Сердце Су Вань забилось быстрее, щеки залил легкий румянец, и она едва слышно ответила:

— Хорошо.

Когда Лин Цэ вышел, холодный ветер резал лицо, как нож, но он чувствовал невероятную легкость. Он знал, что эта миска воды — лишь первый шаг к разрушению сценария. Дальше будет лекарство, покупка ваты для зимней одежды вместо подарков для Линь Вэй, окончательный разрыв с планами о побеге и борьба за то, чтобы Су Вань и Туаньцзы жили.

Что касается Системы 7576, которую он отключил, он чувствовал, как она продолжает слать яростные предупреждения. Хранители порядка из Управления мирами наверняка скоро появятся. Но он не боялся. В этот раз он больше не принесет чужое счастье в жертву ради так называемого задания.

Путь, по которому он пойдет, отныне выбирает он сам.

<http://bllate.org/book/18630/1793893>